Барбаре Джанелидзе

Религия, политика и *modernity* в Грузии: дебаты вокруг событий 17 мая 2013 г.

Barbare Janelidze

Religion, Politics and Modernity in Georgia: The Case of May 17th, 2013

Barbare Janelidze — University of Kassel (Germany). barbare.janelidze@iliauni.edu.ge

In post-Soviet Georgia, the relationship between the Georgian Orthodox Church [GOC] and the politics manifest itself in two ways: the instrumentalization of GOC by the political parties and the government, as well as the attempts by GOC to strengthen its political influence. This paper tries to go beyond a purely institutional level and explores the deeply internalized perception of Christian Orthodoxy as a core element of Georgian identity. Such perception leads to formation of different societal groups consolidated around different religious beliefs and political views. This article analyzes controversies and clashes between these groups during a conflict occurred on May 17, 2013, when a small anti-homophobic event was attacked by a big group of counter-protestants. The study focuses on this case and uses, as its core methodology, in-depth interviews, participant observation and interpretive analysis.

Keywords: religion, politics, secularization, modernity, traditional, national identity, public space, social conflict, confrontational sides.

Джанелидзе Б. Религия, политика и *modernity* в Грузии: дебаты вокруг событий 17 мая 2013 г. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 2. С. 92-106.

Janelidze, Barbare (2016) "Religion, Politics and Modernity in Georgia: The Case of May 17th, 2013", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 34(2): 92-106.

Лес расцветает нарядный,
Ласточки в небе поют,
Листья лозы виноградной
Слезы весенние льют.
Горы все краше да краше,
Луг разноцветный пригож.
Милая родина наша,
Ты-то когда расцветешь?

Илья Чавчавадзе, «Весна» (1861)
(Перевод Н. Заболоцкого)

Семнадцатое мая

Утром 17 мая 2014 г. в небольшом парке, расположенном на площади Свободы в столице Грузии Тбилиси, на земле можно было найти около сотни пар обуви. Вокруг ни души. Тишина. Название инсталляции — «Протест в поддержку невидимых и против невидимости»[1] — быстро получило известность через интернет и СМИ. В тот же день, примерно в 10 часов утра, большая группа людей собралась напротив Концертного зала Тбилисской филармонии и направилась к зданию парламента. Одни несли в руках кресты, другие — плакаты, на которых можно было прочесть: «17 мая — день семьи»; «Содом и Гоморра до сих пор горят»; «Люди восстали, чтобы победить сатанизм»; «Нет антидискриминационному закону»[2].

1. Протест в поддержку невидимых и против невидимости [http://identoba.com/2014/05/18/invisible/, доступ 01.05.2015].

2. „იდენტობის“ აქციის პარალელურად მისი საწინააღმდეგო აქცია ჩატარდება [Параллельно с протестом «Идентоба» был проведен контр-протест] // News.ge. 13.05.2013. [http://news.ge/ge/news/story/54474-identobis-aqtsiis-paralelurad-misi-satsinaaghmdego-aqtsia-chatardeba, доступ от 01.05.2015]; გაუკუღმართებული სექსუალური ურთიერთობების წინააღმდეგ საზოგადოებრივი მოძრაობა იწყება [Нарастающее движение протеста против анормальных сексуальных отношений] // Geonews.ge. 15.05.2013. [http://geonews.ge/geo/news/story/40132-arasamtavrobo_organizaciebi_aqcia, доступ 01.05.2015]; 17 მაისი — ჰომოფობიასთან და თანასწორობასთან ბრძოლა საქართველოში [17 мая — битва против гомофобии и равенство в Грузии] // Netgazeti.net. [http://www.netgazeti.ge/GE/105/News/19670/, доступ 01.05.2015]. Антидискриминационный закон является частью Плана действия по либерализации визового режима между Грузией и ЕС: «в 2013 году Грузия взяла на себя обязательства принять закон, направленный на устранение различных форм дискриминации». New Anti-Discrimination Law: Challenges and Achievements // Transparency International Georgia. 17.06.2014 [http://transparency.

Эти две акции, состоявшиеся 17 мая 2014 г., символически воспроизводили крупное социальное столкновение годом раньше, в 2013 г., когда на скромную антигомофобную акцию, организованную ЛГБТ-организацией «Идентоба» («Идентичность»), напала толпа протестующих. Протест был организован различными общественно-религиозными группами; в нем также приняли участие несколько представителей Грузинской православной церкви (ГПЦ). С тех пор день 17 мая сделался предметом глубокой рефлексии: некоторые либеральные публицисты назвали его «днем рождения грузинского фашизма»[3], для части общества он стал предупредительным сигналом об установлении теократии. Была проведена протестная акция «Нет теократии», а также в парламент была направлена петиция, подписанная примерно пятнадцатью тысячами жителей Грузии и требовавшая объективного расследования и соответствующего наказания для каждого, кто нарушил закон. Другая часть общества была, наоборот, обеспокоена «подрывом морали» у молодого поколения и нарушением грузинских традиций. Некоторые восприняли 17 мая как провокацию, направленную на разрушение хорошей репутации ГПЦ, другие увидели в антигомофобной акции знамения антихриста.

В настоящей статье рассматриваются две темы. Во-первых, собственно события 17 мая как яркий пример социального столкновения между различными акторами; во-вторых, сопутствующие нарративы о «подлинной идентичности», о том, что означает быть грузином. Точнее говоря, меня интересует, перекликаются ли между собой конфликты и нарративы об идентичности, являются ли они частью мета-дискурса о «современности» в грузинском обществе. Проблемы, которых касается данное исследование, имеют комплексный характер, но я здесь рассматриваю прежде всего два вопроса: какие нарративы, относящиеся к конфликту 17 мая, стали частью политического дискурса, и кем являются участники этого конфликта, и, следовательно, кто производит и воспроизводит в грузинском обществе соответствующие дискурсы.

Конфликты на почве идентичности и прав человека, особенно в отношении прав сексуальных меньшинств, нередки на постсоветском пространстве. Как заметил Амартия Сен, понятие идентичности влия-

ge/en/blog/new-anti-discrimination-law-challenges-and-achievements, accessed on 23.05.2016].

3. *Майсурадзе Г.* ქართული ფაშიზმის დაბადება მართლმადიდებლობის სულიდან [Зарождение грузинского фашизма из духа православия] // Radiotavisupleba.ge. 17.05.2013 [http://www.radiotavisupleba.ge/content/blog-giorgi-maisuradze-georgian-fascism/24989629.html, доступ 02.05.2015].

ет на наше сознание и поступки различными способами. Идентичности различных групп могут вступать в противоречие друг с другом, и это происходило в ходе многих политических и социальных конфликтов[4]. «17 мая» следует понимать как столкновение двух разных нарративов о традиционном и современном, а также как пример конфликта на почве различия социальных восприятий идентичности, религии и прав человека. Упомянутое событие можно рассматривать как «фокусную точку»: во-первых, потому, что оно сосредоточило в себе различные взгляды на идентичность, а во-вторых, потому, что результатом этого события стала артикуляция и закрепление в обществе «новых смыслов».

Конечно, события 17 мая не следует считать завершением социального конфликта между различными группами, ибо мы живем в такой реальности, в которой продолжается фрагментация идентичности и наблюдается возрастающая общественная гетерогенность. Однако события 17 мая являются одним из самых заметных и крупных социальных событий в грузинском обществе, в котором проявились все споры вокруг темы меньшинств, причем не только сексуальных, но также религиозных и прочих. Поэтому анализ событий 17 мая важен для понимания и других конфликтов и/или спорных тем, в которых отражается дихотомия религиозного и секулярного в Грузии.

Удел Пресвятой Девы Марии

«Вы знаете, кто был первым либералом? Люцифер!», — сказал один из членов Союза православных родителей Грузии (интервью мне от 24 марта 2015 г.)[5]. «Мы верили на протяжении почти двух тысяч лет, что наша страна избрана Пресвятой Девой Марией, и в течение этих двух тысяч лет мы не смогли ни на шаг приблизиться к Высшему Существу»[6], — сказал председатель парламента Давид Усупашвили 13 мая 2014 г. в речи, посвященной отношениям государства и церкви в Грузии, которая была произнесена на симпозиуме «Традиция прославления Пресвятой Девы Марии в православном христианстве», организованном ГПЦ.

4. Sen, A. (2007) *Die Identitätsfalle: Warum es keinen Krieg der Kulturen gibt*, p.8. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung.
5. Все цитаты являются частью глубинных интервью; переводы выполнены мной, если не указано иное.
6. უსუფაშვილი: არანაკლები ბოროტებაა სახელმწიფოს მართვა ბიბლიით, ნაცვლად კონსტიტუციისა [ვიდეო] (Усупашвили: Управление государством согласно Библии вместо конституции тоже является злом [видео]) // Netgazeti.net [http://www.netgazeti.ge/GE/105/opinion/31372/, доступ 11.05.2015].

В Грузии отношения между религией и политикой и конфликты, подобные происшедшему 17 мая 2013 г., нельзя рассматривать в отрыве ни от внутренних грузинских дебатов о значении современного и традиционного, ни от научных споров о секулярности и современности.

Приводя события 17 мая как пример политизированности духовенства и заметного присутствия ГПЦ в публичной сфере, Сильвия Серрано, автор исследования об отношениях между церковью и государством в Грузии, пишет, что все еще неясно, как следует определять итоги этого события. Как усиление позиции религиозных экстремистов, которые жаждут мести? Или скорее следует обратить внимание на слова председателя парламента Грузии, который подверг критике грузинского патриарха за поддержку тысяч гомофобных демонстрантов?[7] Напряжение, возникшее и возросшее во время и после событий 17 мая, нужно рассматривать, безусловно, как индикатор напряженности в отношениях между различными социальными акторами, а также между церковью и государством. Эта напряженность впервые дала о себе знать в начале 2000-х годов и затем только усиливалась.

Тем не менее, возможно, стоит спросить, так ли необходимо искать «победителя» в этом противостоянии? Даже если бы мы описали, например, одну из этих позиций как доминирующую, это бы не привело к прекращению конфликта. Чтобы понять, почему некоторые конфликты способны нарастать и выходить в публичное пространство, мы должны понять, кто или что является тем «другим», которому противостоят участники конфликта. Только через анализ и описание этих различных нарративов мы будем способны понять, почему конфликты, затрагивающие религиозные вопросы, становятся частью политического дискурса, а также какого рода дискурсивное знание воспроизводится в обществе в результате этих конфликтов.

Согласно Ю. Хабермасу, публичная сфера является наиболее значимым пространством для либеральной демократии, где конфликтующие акторы могут вступать в рациональные споры и где у каждой группы есть возможность выразить свои интересы, чтобы в итоге прийти к согласию[8]. Нам кажется возможным в данном случае отойти от этого определения публичной сферы. По мнению

7. *Серрано С.* Грузинская церковь: Воплощение национального единства или оппозиционная сила? // Pro et Contra. 2013. №5(60). С. 66, 76.

8. Habermas, J. (2008) *Between Naturalism and Religion. Philosophical Essays*. Cambridge, UK: Polity Press.

Талала Асада, соглашение между противоборствующими нарративами не может быть достигнуто в публичной сфере, потому что она всегда является пространством, «по необходимости (а не случайным образом) определяемым отношениями власти. И каждый, кто вступает в нее, должен учитывать расположение людей и вещей с точки зрения власти, зависимость одних и добрую волю других»[9]. Публичное пространство это не то пространство, в котором господствует один единственный нарратив. Как пишет Асад: «Публичная сфера примечательно разнородна. Люди не придерживаются единственной моральной системы; моральная гетерогенность является одной из определяющих характеристик современного общества»[10].

В ходе постсоветских преобразований политическая и религиозная сферы были тесно связаны друг с другом, и религиозно-политический нарратив приобрел большое влияние. В современной Грузии отношения между ГПЦ и политикой развиваются в соответствии с двойной логикой: с одной стороны, ГПЦ используется политическими партиями и правительством в качестве инструмента политической власти, а с другой — ГПЦ пытается усилить свое влияние на политику, чтобы занять устойчивое монопольное положение в публичном пространстве. Как верно заметила С. Серрано, несмотря на то, что стремление ГПЦ укрепить свое монопольное положение в публичной сфере имеет вполне реальные основания, было бы поверхностным сводить сложное восприятие обществом своей национальной идентичности к институциональным особенностям, а также пытаться объяснить данное коллективное восприятие монополией церкви. Наряду со слабыми государственными институтами и слабой бюрократией, которые С. Серрано считает объясняющими факторами[11], я также предлагаю взглянуть на восприятие обществом своей национальной идентичности и социальных противоречий, которые вытекают из этих восприятий, с точки зрения дискурсивного анализа. Иными словами, проследить, как разные социальные акторы одновременно, в условиях постоянного спора, артикулируют свои позиции[12].

9. Asad, T. (2003) *Formations of the Secular. Christianity, Islam, Modernity*, p. 18. Stanford, California: Stanford University Press.

10. Ibid., p. 186.

11. *Серрано С.* Грузинская церковь: Воплощение национального единства или оппозиционная сила? С. 66, 68; Serrano, S (2010) “De-Secularizing National Space in Georgia“, *Identity Studies* 2: 37-58.

12. Keller, R. (2011) *Wissenssoziologische Diskursanalyse: Grundlegung eines Forschungsprogramms*. Wiesbaden: VS Verlag. (3rd. ed.).

Акторы, которые участвуют в спорах о современном и секулярном, — это не только ГПЦ и государство, но также противоборствующие «секулярные» и «религиозные» группы — например, «Союз православных родителей Грузии» и общественная организация «Идентоба», как это было в случае 17 мая.

Союз православных родителей является одной из старейших религиозно-общественных организаций Грузии с четкой организационной структурой. Он был основан еще в начале 1990-х гг. Один из основателей Союза говорит:

> Хотя наша организация была основана еще в девяностых годах, мы зарегистрировались более официально только в 2002 г. как неправительственная организация. В чем заключается различие между нами и другими неправительственными организациями? Мы — союз, опирающийся на церковь, церковное братство. Это союз другого рода. Мы — некоммерческая организация, мы существуем за счет пожертвований. Но самым важным отличием является то, что наши члены не обязаны регистрироваться, и у нас не существует списка членов, которым нужно оплачивать членские взносы. Наш член — любой, кто разделяет наши взгляды и, конечно, является православным христианином и нашим единомышленником (интервью от 24 марта, 2015).

Но есть множество подобных организаций, порой более мелких и с иной политической повесткой, становление которых мы главным образом наблюдали с начала 2000-х годов. Среди них, например, «Союз православного прихода святого царя Давида», «Союз святого царя Вахтанга», «Союз великомученицы Кетеван», «Национально-религиозный институт», «Иверии ли», «Национальный фронт», «Грузинская идея». Еще более интересно, что эти организации порой взаимосвязаны и даже воспринимаются как «сигнальщики», передающие «сигнал тревоги», — так один из членов Союза православных родителей назвал одну из таких мелких организаций (интервью от 24 марта, 2015). Достаточно часто практически все эти общественно-религиозные организации могут объединиться на основе общих ценностей, наиболее ярким примером чему служат события 17 мая. Совместное заявление от 15 мая 2013 г. — образец подобного сотрудничества, когда примерно двенадцать организаций совместно анонсировали контрпротест 17 мая с целью осудить «ЛГБТ-пропаганду» и «положить начало общественному дви-

жению» за законодательный запрет «противоестественных сексуальных отношений»[13].

С другой стороны, мы наблюдаем возникновение широкого спектра светских акторов. Но, как и в случае общественного движения «Идентоба», которое в первую очередь является организацией, объединяющей членов ЛГБТ-сообщества, другие акторы, которые могут быть обозначены как светские, изначально не имели четкой политической программы, направленной против доминирующих религиозных нарративов или нацеленной на развитие и распространение секулярных ценностей[14]. Скорее можно утверждать, что «секуляристы» впервые заявили о себе как ответной силе в конфликтах, которые становились все более частыми в публичном пространстве, начиная с прихода к власти «Объединенного национального движения» (партии М. Саакашвили), и которые продолжились во время правления «Грузинской мечты» (после 2012 г.). Только позже, особенно после событий 17 мая, секуляристы разработали четкую светскую программу, которая заключается, например, в мониторинге нарушений прав религиозных меньшинств путем исследования религиозной ситуации в Грузии или в организации в публичном пространстве дискуссий на религиозные темы с участием религиозных меньшинств, представителей науки и социальных активистов. Среди них есть такие организации, как «Женская инициативная группа поддержки», «Центр просвещения и мониторинга прав человека», «Ассоциация молодых адвокатов Грузии» и т.д. В создании «секулярного нарратива» в публичной сфере активно участвовали не только неправительственные организации и различные сообщества, но также представители науки и интеллигенции.

Многие из этих акторов — и «секулярных», и «религиозных» — рассматривали 17 мая как поворотный пункт в отношениях между ГПЦ и государством, что естественным образом привело к осознанию необходимости выработать более структурированную

13. გაუკუღმართებული სექსუალური ურთიერთობების წინააღმდეგ საზოგადოებრივი მოძრაობა იწყება [Нарастающее движение протеста против противоестественных сексуальных отношений].

14. Конечно, существуют некоторые исключения, как в случае с общественной организацией Института толерантности и многообразия, которая была основана после 17 мая — 26 августа 2013 г. Как заявлено на сайте организации, ее главными целями являются поддержка религиозной свободы и развитие культуры терпимости, защита и распространение идеи секулярного государства и так далее. Более подробную информацию см. на сайте организации: *TDI Georgia* [https://tdigeorgia.wordpress.com, доступ от 21.03.2016].

программу, ориентированную на будущее. Один из членов неправительственной организации из «секулярного лагеря» заявил:

> События 17 мая продемонстрировали, что церковь стремится навязать свое учение в публичном пространстве. У меня есть разные объяснения тому, что произошло 17 мая, и одно из этих объяснений заключается в том, что церковь ясно показала, что она против демократической системы и открыто противостоит государству. Я не знаю, имеет ли место конфронтация в реальности, но мы видим, что после 17 мая церковь определенно вошла в публичное пространство как политический актор. Она может организовать людей на идеологическом уровне, полиция пропускает контрдемонстрантов и не способна защитить ЛГБТ-активистов. После 17 мая мы видели множество событий, в которых церковь выступала как политический актор. Например, так было во время событий, связанных с антидискриминационным законом (интервью от 04.11.2015).

После 17 мая публичные интеллектуалы опубликовали ряд открытых писем и интернет-постов с весьма красноречивыми заглавиями: «Что такое теократия и почему она не нужна грузинскому народу»[15], или: «Почему день 17 мая может быть определен как мини-холокост»[16].

То, что мы отчетливо видим в событиях во время и после 17 мая, является не только артикуляцией взглядов на грузинскую идентичность, но и воспроизводством, распространением этого нового знания на более широком уровне. Что же именно здесь нового — ведь подобные споры об идентичности велись и до 17 мая?

В работе «Социальное конструирование реальности» Питера Бергера и Томаса Лукмана анализируются не только «эмпирические вариации знания» в различных обществах, но и «процессы, в ходе которых любой корпус знания может быть социально утвержден в качестве реальности»[17]. Тем самым эти авторы предлагают теоретическое обоснование для понимания как институционально-

15. *Андроникашвили З.* რას ნიშნავს «არა თეოკრატიას»? [Что означает «Нет теократии?»] // Radiotavisupleba.ge. 25.05.2013 [http://www.radiotavisupleba.ge/archive/zaal_andronikashvili/20130501/1022/15904.html, доступ от 20.03.2016].

16. *Майсурадзе Г.* ბოროტების ბანალურობა [Банальность зла]. [http://www.radiotavisupleba.ge/archive/giorgi_maisuradze/20130504/1022/3492.html, доступ от 20.03.2016].

17. Berger, P., Luckmann, T. (1967) *The Social Construction of Reality*, p. 3. New York: Anchor Books.

го процесса производства знания, так и его каждодневного усвоения и использования «складов знания» (*stocks of knowledge*)[18]. Суть моего подхода в том, чтобы анализировать конкретные социальные конфликты и вопросы идентичности на дискурсивном уровне, рассматривать акторов не как зависимых от неких институтов, но скорее как зависимых друг от друга. Это предложение требует рассматривать конфронтацию, возникшую в ходе и после событий 17 мая, в традиции «дискурсивного анализа социологии знания» (*Sociology of Knowledge Discourse Analysis, SKAD*) и описывать ее в парадигме дискурсивно-дефинициональных споров[19].

«Склады знаний» по вопросам идентичности, попытки обеих конфликтующих сторон определить друг друга в категориях «инаковости» и/или «чуждости» с употреблением таких определений, как «фашизм», «холокост», «сатанизм», «подрыв моральных устоев», — все это было и до 17 мая. Но, хотя «склады знаний» существуют в каждом обществе до того, как происходят какие-либо конфликты, именно в момент конфликта — особенно таких значимых, как конфликт 17 мая, — дискурсы становятся реальностью и (вос)производятся. Важным следствием событий 17 мая стало более четкое обоснование разных взглядов на суть грузинской культуры и на «угрозы» для будущего грузинской нации, а также появление четко оформленных противостоящих друг другу групп. Эти противоборствующие акторы сегодня продолжают действовать и выражать себя изнутри дихотомии «секулярного» и «религиозного»; и выражая себя изнутри этой дихотомии, они одновременно реализуют и (вос)производят знание о секулярном и религиозном.

Верный путь в светлое будущее

В своей статье о секулярности на постсоветском пространстве Александр Агаджанян сделал интересное наблюдение: постсоветский секуляризм, утвердившись, одновременно становился все более уязвимым, по мере того как доминирующая религия превращалась в важную политическую и культурную силу; и в то же время увеличение числа религиозных акторов повлекло за собой «дальнейшее развитие секуляризма», проявление последовательно секулярных групп, а значит, и появление более прямой

18. Keller, R. *Wissenssoziologische Diskursanalyse: Grundlegung eines Forschungsprogramms*, p. 49.

19. Ibid., p. 51.

и осознанной конфронтации между секулярными и религиозными группами[20].

В Грузии подъем публичной религии, как бы парадоксально это ни звучало, происходил параллельно с утверждением секулярного дискурса. Эта тенденция стала особенно заметной после 2003 г., то есть после «революции роз», во время правления М. Саакашвили, когда такие понятия, как модернизация, секуляризация, права религиозных и сексуальных меньшинств, стали частью политического дискурса. В то же время росло влияние религиозного национализма, в значительной мере сформулированного Грузинской православной церковью.

Наряду с формированием дихотомии «современного» и «традиционного» в противостоянии правительства Саакашвили и ГПЦ в Грузии возник также научный дискурс о секулярности. В своем исследовании современного дискурса об исламе, как религии фундаменталистской и антимодернистской, Хосе Казанова отмечает, что ислам на самом деле «заместил католицизм в роли “другого” западной секулярной современности»[21], поскольку до недавнего времени секуляризацию считали частью целенаправленного процесса модернизации и прогресса[22]. В грузинском научном дискурсе о секуляризации именно православие предстает в качестве «другого» по отношению к той «западной секулярной современности», которая должна стать светлым будущим Грузии. Если просмотреть грузинскую литературу на тему взаимоотношений государства и религии и/или процесса секуляризации, то огромное количество материалов будет относиться к периоду начиная именно с 2000-х гг. Можно сказать, что сам научный дискурс о секуляризации в Грузии возник как часть политического дискурса. Он рассматривает секуляризацию именно как часть «прогресса». Некоторые представители научной элиты заняли отчетливо антиклерикальную позицию, видя в подъеме религиозности помеху для модернизации страны[23].

Таким образом, начиная с 2003 г., на фоне быстрых и порой жестких реформ правительства Саакашвили, конфликты между религиозным и секулярным стали постоянными. В качестве примеров

20. Agadjanian, A. (2015) “Vulnerable Post-Soviet Secularities: Patterns and Dynamics in Russia and Beyond”, in M. Burchardt, M. Wohlrab-Sahr, M. Middell (eds) *Multiple Secularities Beyond the West. Religion and Modernity in the Global Age,* pp. 248-255. De Gruyter.

21. Casanova, J. (2008) “Public Religions Revisited”, in H. de Vries et al. *Religion: Beyond a Concept*, p. 108. New York: Fordham University Press.

22. Ibid., p. 109.

23. Для сравнения см.: Andronikashvili, Z., Maisuradze, G. (2010) “Secularization and Its Vicissitudes in Georgia”, *Identity Studies* 2.

подобных конфликтов можно назвать конфликт, связанный с законом о статусе религиозных меньшинств (июль 2011 г.), или со строительством мечетей в Грузии (2008 г.), или с введением новых идентификационных карт (начиная с 2011 г.), и, наконец, столкновений 17 мая, которые мы разбирали в этой статье. Все эти противостояния, вне зависимости от их специфических контекстов, обладают тем общим базовым элементом, который можно назвать «конструкцией боязни другого». Начиная с 1990-х годов конструкции типа «мы — они» служат главными катализаторами конфликтов в Грузии[24]. Как религиозные, так и светские группы рассматривали свои взаимоотношения с «другим» в духе противостояния добра и зла, света и тьмы; именно в этих категориях конструировалась «инаковость» с обеих сторон и религиозными, и светскими группами. Если для религиозных радикалов гомосексуальность (особенно после 17 мая) была символом антихриста и прямой угрозой выживанию грузинской нации[25], то светские радикалы воспринимали саму ГПЦ и ее нарративы (и тоже особенно после 17 мая) как угрозу евроинтеграции Грузии и существованию Грузии как демократического государства[26].«17 мая» и дальнейшие события позволяют предположить, что, с одной стороны, дискурсивное знание о том, что есть «истинная» грузинская идентичность, а что ей чуждо (например, «традиционная семья» или православие как составная часть идентичности и гомосексуальность как чужеродный для нее элемент), было выражено и воспроизведено вновь. С другой стороны, одновременно формировалось знание о «секулярном государстве», о «фундаментализме», появился опыт критики церкви. Как утверждает Агаджанян, мы являемся свидетелями тенденции, общей для многих постсоветских стран, включая Грузию: становления «социальных групп и движений» «светской направленности», противостоящих доминирующим религиозным нарративам[27].

24. Khutsishvili, K. (2015) "Religion and Politics: Introduction", in A. Agadjanian, A. Jödicke, E. van der Zweerde (eds.) *Religion, Nation and Democracy in the South Caucasus*, p. 60. Routledge.

25. Для сравнения см.: *Унгиадзе А.* ანტისოდომია ანუ, ჰომოსექსუალიზმის, როგორც ცოდვისა და პათოლოგიის წინააღმდეგ [Антисодомия или против гомосексуальности как греха и патологии]. Тбилиси, 2013. С. 11.

26. См., например: *Зедания Г.* ირანი 79 [Иран 79] // Radiotavisupleba.ge. 20.05.2013. [http://www.radiotavisupleba.ge/content/blog-giga-zedania-iran/24991995.html, доступ 11.05.2015] Миндиашвили Б. 17 მაისის მოვლენები. შვიდი მომაკვდინებელი ცოდვის აღლუმი [События 17 мая. Парад семи смертных грехов] // Tabula.ge. 27.05.2013 [http://www.tabula.ge/ge/story/71529-shvidi-momakvdinebeli-codvis-aghlumi , доступ 11.05.2015].

27. Agadjanian, A. "Vulnerable Post-Soviet Secularities: Patterns and Dynamics in Russia and Beyond", p. 258.

«Публичная сфера — не пустое пространство для проведения дебатов», оно испещрено «памятью и стремлениями, страхами и надеждами»[28]. Как мы видели, дискурс о секуляризме создавался параллельно с усилением религиозных установок и практик. Появление групп с секулярной повесткой, в свою очередь, привело к новой активизации радикальных религиозных группировок. Наконец, конфликт, вызванный их столкновением в публичном пространстве, часто трактовался как спор о том, что является традиционным, а что современным.

В заключение следует заметить, что символическое повторение «17 мая» через год после событий, в 2014 г., представляло собой попытку обеих сторон подтвердить два дискурсивных направления, сложившихся годом ранее. Говоря словами Зигмунда Баумана, это была попытка «подвергнуть экзорцизму» «пугающий призрак неопределенности», «изгнав избранную категорию “чужаков” прочь из домов и лавок»[29]. Обе стороны считают друг друга чужаками. Как секуляристы, так и представители радикальных религиозных групп ведут споры о том, что есть современность (*modernity*). Как заметил Чарльз Тейлор, современность, порождая альтернативы, дает возможность не только быть нерелигиозным, но и, напротив, обрести религиозность[30]. Парадоксальным образом как секуляризм, так и фундаментализм оказываются современными (*modern*) феноменами[31]. При этом конфликтующие стороны объединяет одна и та же декларируемая цель — верный путь вперед к светлому будущему и процветанию грузинского народа.

Перевод с английского Дарьи Блиновой

Библиография / References

Андроникашвили З. რას ნიშნავს «არა თეოკრატიას»? [Что означает «Нет теократии?»] // Radiotavisupleba.ge. 25.05.2013 [http://www.radiotavisupleba.ge/archive/zaal_androni kashvili/20130501/1022/15904.html, доступ от 20.03.2016].

Зедания Г. ირანი 79 [Иран 79] // Radiotavisupleba.ge. 20.05.2013. [http://www.radiotavisupleba.ge/content/blog-giga-zedania-iran/24991995.html, доступ от 11.05.2015]

28. Asad, T. *Formations of the Secular. Christianity, Islam, Modernity*, p. 185.
29. Bauman, Z. (2007) *Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty*, p. 85. Cambridge: Polity Press.
30. Taylor, Ch. (2009). *Ein säkulares Zeitalter*, p.15. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
31. Riesebrodt, M. (2001) *Die Rückkehr der Religionen: Fundamentalismus und der "Kampf der Kulturen"*. München: Verlag C. H. Beck.

Майсурадзе Г. ბოროტების ბანალურობა [Банальность зла]. [http://www.radiotavisupleba.ge/archive/giorgi_maisuradze/20130504/1022/3492.html, доступ от 20.03.2016].

Майсурадзе Г. ქართული ფაშიზმის დაბადება მართლმადიდებლობის სულიდან [Зарождение грузинского фашизма из духа православия] // Radiotavisupleba.ge. 17.05.2013 [http://www.radiotavisupleba.ge/content/blog-giorgi-maisuradze-georgian-fascism/24989629.html, доступ от 02.05.2015].

Миндиашвили Б. 17 მაისის მოვლენები. შვიდი მომაკვდინებელი ცოდვის აღლუმი [События 17 мая. Парад семи смертных грехов] // Tabula.ge. 27.05.2013 [http://www.tabula.ge/ge/story/71529-shvidi-momakvdinebeli-codvis-aghlumi , доступ от 11.05.2015].

Унгиадзе А. ანტისოდომია ანუ, ჰომოსექსუალიზმის, როგორც ცოდვისა და პათოლოგიის წინააღმდეგ [Antisodomia or Against Homosexuality as Sin and Pathology]. Тбилиси, 2013.

"იდენტობის" აქციის პარალელურად მისი საწინააღმდეგო აქცია ჩატარდება [Параллельно с протестом «Identoba" был проведен контрпротест] // News.ge. 13.05.2013. [http://news.ge/ge/news/story/54474-identobis-aqtsiis-paralelurad-misi-satsinaaghmdego-aqtsia-chatardeba, доступ от 01.05.2015];

17 მაისი –ჰომოფობიასთან და თანასწორობასთან ბრძოლა საქართველოში [17 мая — битва против гомофобии и равенство в Грузии] // Netgazeti.net. [http://www.netgazeti.ge/GE/105/News/19670/, доступ от 01.05.2015].

Протест в поддержку невидимых и против невидимости [http://identoba.com/2014/05/18/invisible/, доступ от 01.05.2015].

Серрано С. Грузинская церковь: Воплощение национального единства или оппозиционная сила? // Pro et Contra. 2013. №5(60). С. 66-79.

გაუკუღმართებული სექსუალური ურთიერთობების წინააღმდეგ საზოგადოებრივი მოძრაობა იწყება [Нарастающее движение протеста против противоестественных сексуальных отношений] // Geonews.ge. 15.05.2013. [http://geonews.ge/geo/news/story/40132-arasamtavrobo_organizaciebi_aqcia, доступ от 01.05.2015].

უსუფაშვილი: არანაკლები ბოროტებაა სახელმწიფოს მართვა ბიბლიით, ნაცვლად კონსტიტუციისა [ვიდეო] [Усупашвили: Управление государством согласно Библии вместо конституции тоже является злом [видео]] // Netgazeti.net [http://www.netgazeti.ge/GE/105/opinion/31372/, доступ от 11.05.2015].

"Identobis" ak'c'iis paralelurad misi sacinaaġmdego ak'c'ia č'atardeba" [Parallel to the protest of ''Identoba" a contra-protest will be held], *Netgazeti.net* [http://www.netgazeti.ge/GE/105/opinion/31372/, accessed on 11.05.2015].

"17 maisi — homop'obiast'an da t'anascorobast'an brżola sak'art'veloši" [17th of May — A battle against homophobia and equality in Georgia], *Netgazeti.net*. [http://www.netgazeti.ge/GE/105/News/19670/, accessed on 01.05.2015].

Agadjanian, A. (2015) "Vulnerable Post-Soviet Secularities: Patterns and Dynamics in Russia and Beyond", in M. Burchardt, M. Wohlrab-Sahr, M. Middell (eds.) *Multiple Secularities Beyond the West. Religion and Modernity in the Global Age,* pp.248-255. De Gruyter.

Andronikashvili, Z. (2013) "Ras nišnavs "ara t'eokratias"?" [What 'No to theocracy' means?], *Radiotavisupleba.ge*. 25.05.2013 [http://www.radiotavisupleba.ge/archive/zaal_andronikashvili/20130501/1022/15904.html, accessed on 20.03.2016].

Andronikashvili, Z., Maisuradze, G. (2010) "Secularization and Its Vicissitudes in Georgia", *Identity Studies* 2.

Asad, T. (2003) *Formations of the Secular. Christianity, Islam, Modernity*. Stanford, California: Stanford University Press.

Bauman, Z. (2007) *Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge: Polity Press.

Berger, P., Luckmann, T. (1967) *The Social Construction of Reality*. New York: Anchor Books.

Casanova, J. (2008) "Public Religions Revisited", in H. de Vries et al. *Religion: Beyond a Concept*. New York: Fordham University Press.

"Gaukuġmart'ebuli sek'sualuri urt'iert'obebis cinaaġmdeg sazogadoebrivi možraoba icqeba" [Protest movement is beginning against abnormal sexual relations] (2013), *Geonews.ge*. 15.05.2013 [http://geonews.ge/geo/news/story/40132-arasamtavrobo_organizaciebi_aqcia, accessed on 01.05.2015].

Habermas, J. (2008) (2005 1st ed.). *Between Naturalism and Religion. Philosophical Essays*. Cambridge, UK: Polity Press.

Keller, R. (2011) *Wissenssoziologische Diskursanalyse: Grundlegung eines Forschungsprogramms*. Wiesbaden: VS Verlag. (3rd. ed.).

Khutsishvili, K. (2015) "Religion and Politics: Introduction", in A. Agadjanian, A. Jödicke, E. van der Zweerde (eds.) *Religion, Nation and Democracy in the South Caucasus*. Routledge.

Maisuradze, G. (2013) "K'art'uli p'ašizmis dabadeba mart'lmadideblobis sulidan" [The Birth of Georgian Fascism from the Spirit of Orthodoxy], *Radiotavisupleba.ge*. 17.05.2013 [http://www.radiotavisupleba.ge/content/blog-giorgi-maisuradze-georgian-fascism/24989629.html, accessed on 2.05.2015].

Maisuradze, G. (2013) "borotebis banaluroba" [Banality of Evil. http://www.radiotavisupleba.ge/archive/giorgi_maisuradze/20130504/1022/3492.html, accessed on 20.03.2016].

Mindiashvili, B. (2013) "Svidi momakvdinebeli c'odvis aġlumi" [Parade of seven deadly sins], *Tabula.ge*. 27.05.2013 [http://www.tabula.ge/ge/story/71529-shvidi-momakvdinebeli-codvis-aghlumi , accessed on 11.05.2015].

New anti-discrimination law: Challenges and achievements // Transparency International Georgia. 17.06.2014 [http://transparency.ge/en/blog/new-anti-discrimination-law-challenges-and-achievements, accessed on 23.05.2016].

Protest on Behalf of Invisible and Against Invisibility [http://identoba.com/2014/05/18/invisible/, accessed on 01.05.2015].

Riesebrodt, M. (2001) *Die Rückkehr der Religionen: Fundamentalismus und der "Kampf der Kulturen"*. München: Verlag C. H. Beck. (2nd ed.).

Sen, A. (2007) *Die Identitätsfalle: Warum es keinen Krieg der Kulturen gibt*. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung.

Serrano, S (2010) "De-Secularizing National Space in Georgia", *Identity Studies* 2: 37-58.

Serrano, S. (2013) "Gruzinskaia tserkov': Voploshchenie natsional'nogo edinstva ili oppozitsionnaia sila?" [Georgian Church: embodiment of national unity or opposition force], *Pro et Contra* 5(60): 66-79.

Taylor, Ch. (2009). *Ein säkulares Zeitalter*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

TDI Georgia [https://tdigeorgia.wordpress.com, accessed on 21.03.2016].

Ungiadze, A. (2013) *Antisodomia anu, homosek'sualizmis, rogorc' c'odvisa da pat'ologiis cinaaġmdeg* [Antisodomia or Against Homosexuality as Seen and Pathology]. Tbilisi.

Usup'ašvili: aranaklebi borotebaa saxelmcip'os mart'va bibliit', nac'vlad konstituc'iisa [Usupashvili: Governing the state according to the Bible instead of constitution is also an evil], *Netgazeti.net* [http://www.netgazeti.ge/GE/105/opinion/31372/, accessed on 11.05.2015].

Zedania, G. (2013) "Irani 79" [Iran 79], Radiotavisupleba.ge. 20.05.2013. [http://www.radiotavisupleba.ge/content/blog-giga-zedania-iran/24991995.html, accessed on 11.05.2015].